

УДК 94(67)+055.2

DOI 10.26456/vthistory/2024.3.088–102

Проблема экономической и политической депривации женщин в обществах постколониальной тропической Африки в 1980–2000 годах

К.А. Петров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье анализируются проявления депривации женщин в экономической и политической жизни обществ постколониальной Тропической Африки в 1980–2000-х гг. На основе изучения периодических докладов африканских стран в Комитет по ликвидации гендерной дискриминации ООН, эссе и источников личного происхождения выявляются сферы депривации и причины отчужденности женщин от различных способов трудовой и предпринимательской деятельности, возможностей владения имуществом и его наследования, низкого уровня представленности в институтах принятия политических решений. Автор делает вывод, что сложившиеся в предшествующие периоды развития стереотипы феминности и маскулинности сохраняли в изучаемый период за женщинами традиционные роли матери и жены, несмотря на усилия национальных правительств по улучшению положения женщин.

Ключевые слова: депривация по признаку пола, положение женщин, постколониализм, Тропическая Африка.

С 1960 г. страны африканского континента вступили в принципиально новый период исторического развития, связанный с получением независимости от бывших стран-метрополий. В этих условиях правительства и общества должны были не только адаптироваться к новому статусу суверенных государств и полноправных участников международных отношений, но и осуществить кардинальную перестройку всех сфер общественной жизни. Одним из ключевых направлений трансформации стало проведение целенаправленной политики в отношении женщин, что стало особенно актуальным с 1980-х гг., то есть после принятия Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Более половины стран Тропической Африки подписало и ратифицировало данный документ уже в 1980-е гг. Сразу после включения в состав стран-участниц субсахарские государства в 1980–90-е гг. начали претворять в жизнь реформы, направленные на улучшение положения женщин. В частности, этот процесс затронул экономическую и политическую подсистемы обществ. В данной статье осуществляется анализ положения

женщин в экономике и политике субсахарского региона в 1980–2000-х гг. с целью выявления проявлений депривации как одного из элементов феномена гендерного насилия.

В отечественной историографии к вопросам экономического и политического статуса женщин обращались сотрудники Института Африки В.В. Грибанова, Н.В. Гришина¹, Л.Я. Прокопенко². В их работах внимание акцентировалось на современном положении женщин на рынке труда, в неформальном секторе экономики, уровне представленности женщин в парламентских структурах. Среди зарубежных авторов необходимо выделить работу южноафриканского политолога А.О. Энаифоге, изучавшего способы повышения политической активности женщин в контексте осуществления политики гендерного равенства³.

Политическая и экономическая сферы являются различными пространствами общественной жизни, тем не менее представляется необходимым их объединение в рамках данной статьи, поскольку проблема отчужденности от них женщин обуславливается сходными и взаимозависимыми причинами. Во-первых, необходимо отметить, что существенное влияние на любую внесемейную активность женщин оказывали особенности этнической культуры местных народов, а именно сохранявшиеся в постколониальный период стереотипы феминности, определявшие комплекс допустимых занятий. В частности, отмечается, что «женщины не способны работать на ответственных постах и не подходят для этого из-за семейных обязанностей»⁴. Сложность в сочетании многочисленных дел в домашнем хозяйстве и иной активности приводило к тому, что женщинам отказывали как в легальной трудовой деятельности на рынке труда, так и в занятии политических должностей. Кроме того, считалось, что «материальный достаток женщины не должен превышать определённых пределов или быть больше, чем у ее супруга»⁵. Подобная точка зрения подкрепляет традиционные взгляды

¹ Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 93–103; Гришина Н.В. Гендерное неравенство в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 54–56.

² Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 148–165; *Её же*. Динамика и проблема эффективности представительства женщин в парламенте (ЮАР и другие страны Юга Африки) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года. М., 2019. С. 324–325.

³ Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

⁴ CEDAW. Combined initial, second and third periodic reports of States parties. Angola. 7 November 2002. Rep. UN CEDAW/C/AGO/1–3. P. 20.

⁵ CEDAW. Sixth periodic report of States parties. Burkina Faso. 1 October 2009. Rep. UN CEDAW/C/BFA/6. P. 62.

народов на гендерные роли женщин, которые должны прежде всего уделять внимание функциям, связанным с материнством и ведением домашнего хозяйства. Предпосылкой такого отношения также являются исторически сложившиеся виды трудовой деятельности женщин, которые занимались производством продовольственных культур в домашнем сельском хозяйстве, предназначенном для семейных нужд, в то время как мужчины выращивали продукцию на продажу и принимали решения на уровне общины или государства.

Во-вторых, следует указать на взаимовлияние депривированности в экономической и политической сферах. Для осуществления политической работы требовалось наличие свободных финансовых средств, не находившихся в доступе у женщин, поскольку они не имели возможности реализовывать себя в качестве наёмных работников или предпринимателей. В свою очередь, отсутствие женщин на политических постах приводило к замедлению политики гендерного равенства в экономике. Возникал замкнутый круг, в котором женщины оказывались отчужденными от самостоятельных источников финансового благосостояния и способов принятия решений.

В обществах Тропической Африки на постколониальном этапе сохранялось мнение, что женщина могла иметь возможность добиться успеха в профессиональной сфере, если отбросит свою женственность, став подобием мужчины. Прежде всего такую точку зрения транслировали сами женщины, которые на своём жизненном опыте убедились, что, сохраняя женское поведение и привычки, они не смогут найти или сохранить рабочее место. Минна Салами, блогер из Нигерии, разбирает этот вопрос в одной из своих записей на личном интернет-портале. Отсылая читателей к работе Франца Фанона «Черная кожа, белая маска», автор выдвигает характерную для субсахарских женщин концепцию – «Женская кожа, мужская маска»⁶. Таким образом, Минна Салами говорит о том, что в традиционных африканских сообществах женщины определяются миром мужчин и, желая обрести в нём успех, сами вынуждены превращаться в них. Похожий эпизод в своём автобиографическом эссе приводит нигерийская писательница и активистка Ч.Н. Адичи: «В первый раз, когда я преподавала грамотность в выпускном классе, я волновалась. Не об учебном материале, потому что я была хорошо подготовлена и учила тому, что мне нравилось. Вместо этого я беспокоилась о том, что надеть. Я хотела, чтобы меня воспринимали всерьёз... Я очень хотела использовать свой блеск для губ и мою девчачью юбку, но решила, что не стоит. Я надела очень серьёзный, очень мужественный и невероятно уродливый костюм»⁷. Таким образом, не только общество, но и сами женщины продолжали воспроизводить стереотипы феминности и маскулинности на рынке труда, что усугубляло проблему депривации.

⁶ Salami M. Female skin, male masks. November 30, 2012 // Ms. Afropolitan [Electronic resource]. URL: <https://www.msafropolitan.com/2012/11/female-skin-male-masks-2.html> (accessed: 19.08.2024)

⁷ Адичи Ч. Н. We should all be feminists. М., 2019. С. 60–63.

В основном женщины субсахарских обществ были заняты в узком круге возможных профессиональных областей. Они в большей степени присутствовали в неформальном секторе экономики, трудовые отношения в котором всегда имеют меньшее правовое обеспечение и не предусматривают каких-либо форм социальной поддержки. Для ЮАР, например, было характерно управление женщинами-африканками «нелегальными питейными заведениями – шибинами», которое, как отмечают сотрудницы Института Африки РАН В.В. Грибанова и Н.В. Гришина, приносило стабильный и высокий доход⁸. В докладе Анголы в 2002 г. отмечается, что женщины в легальном секторе преимущественно связаны с профессиональной деятельностью в рамках малых предприятий – салонов красоты, закусочных, детских садов, а также работают как домашняя прислуга⁹. В тех случаях, когда они становятся собственниками бизнеса, то концентрируются на более «женских» сферах деятельности. Так, в Гвинее на 2000 г. женщины управляли 100 % парикмахерских салонов и 83 % предприятий по очистке мусора¹⁰. В официальном секторе экономики и в различных государственных учреждениях они прежде всего были заняты на низкооплачиваемых и неквалифицированных должностях, например, на должности секретаря.

Помимо стереотипного отношения к женщинам, которое с позиции их личностных качеств детерминировало невозможность заниматься определёнными видами деятельности, они также становились жертвами дискриминации со стороны работодателей по физиологическим причинам. В периодическом докладе Буркина-Фасо в 2004 г. отмечается: «Особенно остро проблема дискриминации женщин в сфере занятости стоит в частном секторе. Стремясь к максимальным результатам в сжатые сроки, работодатели предпочитают нанимать мужчин, а не женщин из-за возможной беременности или скорых родов, их социальных ролей матери или жены»¹¹. В Нигерии незамужних девушек вынуждали заключать договор, согласно которому они в течение трёх лет не могли вступить в брак, а замужних – договор, по которому они обязывались в этот же срок не заводить детей¹². Подобные практики выступали не только проявлениями депривации, но и нарушали естественные права человека и гражданина, закреплённые в конституциях субсахарских государств.

На протяжении нескольких десятилетий после обретения странами Тропической Африки независимости в них сохранялись правовые нормы, ограничивавшие замужних женщин в праве на трудоустройство. Им требовалось письменное согласие мужа, который не возражал против работы супруги в

⁸ Грибанова В.В., Гришина Н.В. Указ. соч. С. 96.

⁹ CEDAW/C/AGO/1-3. P. 22.

¹⁰ CEDAW. Initial reports of State parties. Guinea. 6 March 2001. Rep. UN CEDAW/C/GIN/1. P. 84.

¹¹ CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Burkina Faso. 9 February 2004. Rep. UN CEDAW/C/BFA/4-5. P. 47.

¹² CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Nigeria. 28 April 2003. Rep. UN CEDAW/C/NGA/4-5. P. 46.

ущерб ведению домашнего хозяйства¹³. Постепенно данные нормы смягчались, однако в ряде государств продолжали сохранять дискриминационное по отношению к женщинам содержание: «Женщина может выбирать профессию по своему усмотрению, однако супруг может обратиться в суд с просьбой запретить ей заниматься той или иной работой в интересах сохранения семьи. Женщина такой возможности по отношению к мужу не имеет»¹⁴. Подобное ограничение ещё сильнее сокращало возможности женщин иметь работу по своему выбору. Данные правовые нормы в постколониальных обществах Тропической Африки закрепляли и материальную зависимость женщин от мужей в брачных отношениях, поскольку мужчина получал инструмент контроля над трудовой активностью супруги.

В 1980–2000-х гг. сохранялась проблема неравенства в вопросах оплаты труда. Женщины традиционно получали меньший доход от различных видов деятельности, чем мужчины, несмотря на аналогичный уровень квалификации и образования¹⁵. Подобная ситуация возникала из-за представления о том, что мужчины выполняют работу лучше, даже если затрачивают одинаковое с женщинами количество времени и усилий. Как отмечает в своём исследовании Н.В. Гришина, к 2011 г. «доля неоплачиваемого женского труда в странах Тропической Африки достигала 20,1 %», что свидетельствовало о повышении на протяжении 2000-х гг. этого показателя на 3,6 %¹⁶. В ЮАР проблема неравной оплаты труда была усугублена политикой апартеида и сохранявшимся после его преодоления расовым неравенством. В частности, отмечается, что уровень заработка чернокожих женщин был существенно ниже, чем аналогичный у «белых». При этом различие в доходах между «белыми» женщинами и мужчинами достаточно незначительное.

Неравным был доступ к услугам социальной поддержки. Например, в ЮАР женщины меньше пользовались возможностью получения государственной пенсии по старости из-за предвзятости со стороны чиновников и традиционных властей, а также общей неосведомлённости¹⁷. Они часто не имели права на доступ к семейным пособиям, поскольку они выплачивались только главам семей, то есть мужчинам¹⁸. В Маврикии вдовы могли получать пенсию по потере кормильца, однако вдовцы подобного лишены, даже

¹³ CEDAW. Concluding observations. Gabon. 13 February 1990. Rep. UN A/44/38 paras. 44–62. P. 14.

¹⁴ CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic reports of States Parties. Gabon. 25 June 2003. Rep. UN CEDAW/C/GAB/2-5. P. 33.

¹⁵ CEDAW. Combined third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Ghana. 18 April 2005. Rep. UN CEDAW/C/GHA/3-5. P. 48; CEDAW. Combined seventh and eighth periodic reports of States parties. Guinea. 18 January 2013. Rep. UN CEDAW/C/GIN/7-8. P. 22.

¹⁶ Гришина Н.В. Указ. соч. С. 54.

¹⁷ CEDAW. Initial report of States parties. South Africa. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/ZAF/1. P. 102.

¹⁸ CEDAW/C/GIN/1. P. 98.

если их покойная супруга приносила большой доход в семью¹⁹. Соответственно, это становилось причиной ограничения по решению мужа объемов заработка женщины.

В государственном секторе и на гражданской службе женщины подвергались различным формам дискриминации в получении денежных пособий. Это могло быть связано с выплатами компенсации по страховке²⁰, доступом к медицинскому обслуживанию или дипломатическим паспортам²¹ для супругов и детей тех женщин, которые заняты на государственной службе. В то же время мужчины, находящиеся на аналогичных позициях, подобные льготы передавали членам своих семей. Подобное положение являлось проявлением депривации по отношению одновременно и к женщинам, и к мужчинам. Во-первых, мужчина, который находился в браке с женщиной, имевшей высокое положение на государственной службе, не имел права на те льготы, которые бы приносил в аналогичном положении сам своей супруге. Это демонстрирует традиционное представление о том, что мужчины не могут находиться в зависимом положении от женщин, а лишь способны самостоятельно обеспечивать себя и свою семью. Во-вторых, подобные правила приводили к депривации женщин, поскольку, таким образом, они лишались дополнительной мотивации к продвижению по службе и одобрения со стороны мужчин, которые не рассчитывали, что их жёны смогут предоставить им льготы.

Проявления экономической депривации обнаруживаются в налоговой политике стран южнее Сахары в период постколониализма. В частности, распространённой являлась ситуация, когда замужняя женщина, воспитывавшая в браке детей, платила больший подоходный налог, нежели мужчина. Это было связано с тем обстоятельством, что наличие расходов на детей учитывалось в налоговых декларациях лишь одного родителя, которым по умолчанию являлся отец²². Мать имела право на снижение ставки налога лишь в том случае, если являлась незамужней матерью-одиночкой или разведённой с правом опеки над детьми.

Проблемой в контексте анализа дискриминации на основе гендерной принадлежности в рамках трудовых отношений в субсахарских обществах является вопрос об отпуске по уходу за ребенком. Стоит отметить, что у большинства народов женщины, занятые в формальном секторе экономики или на государственной службе, обеспечивались отпуском по беременности и родам, продолжительность которого увеличивалась в период с 1980-х гг. по 2000-е гг. Тем не менее сохранялась проблема отсутствия гарантий на дородовой и послеродовой отпуск в неформальном секторе экономики, поскольку он в

¹⁹ CEDAW. Initial and second periodic reports of State parties. Mauritius. 3 July 1992. Rep. UN CEDAW/C/MAR/1-2. P. 46.

²⁰ CEDAW. Combined initial to third periodic reports of States parties. Côte d'Ivoire. 18 October 2010. Rep. UN CEDAW/C/CIV/1-3. P. 86.

²¹ CEDAW/C/NGA/4-5. P. 47.

²² CEDAW. Initial reports of States parties. Burundi. 3 July 2000. Rep. UN CEDAW/C/BDI/1. P. 27; CEDAW/C/BFA/4-5. P. 23.

меньшей степени регламентировался трудовым законодательством. В этом случае женщине приходилось отказываться от своей профессиональной занятости с риском остаться невостребованной в будущем.

Женщины и мужчины, таким образом, сталкивались с многочисленными проявлениями депривации в экономической сфере общества, связанными с трудовыми отношениями. Ещё одной категорией, в которых они также находили отражение, является право собственности, которое включает в себя возможности владеть землей и наследовать имущество.

На протяжении нескольких десятилетий постколониального периода в субсахарских обществах женщины не имели возможности наследовать имущество своих покойных мужей. Так, в докладе Габона 1990 г. отмечается: «Интересы вдовы и детей умершего мужчины не учитываются при разделе его имущества»²³. Кроме того, в случае получения наследства его сохранение за вдовами определялось проведением и соблюдением обрядов вдовства²⁴. Иногда дискриминация в отношении наследования ограничивалась только определёнными видами имущества, которые обладали существенной ценностью или символической значимостью: «В некоторых районах Ганы по обычному праву женщинам не разрешается получать в наследство скот, что является нарушением прав женщин, поскольку в этих районах скот традиционно является мерилем благосостояния»²⁵. Тезис, изложенный в периодическом докладе Ганы, характерен и для других народов Тропической Африки. Даже в тех случаях, когда вдовы обладали правом наследования, они могли рассчитывать лишь на менее ценную долю имущества покойного супруга. Среди общин, основу хозяйства которых составляет скотоводство, им не позволялось наследовать скот, в остальных случаях они лишались права собственности на землю.

Однако даже после обретения такого права в связи с модернизацией гражданского законодательства они часто не становились наследниками в силу социокультурных представлений, давления со стороны общины и родственников мужа²⁶. Дополнительным препятствием, которое влияло на получение наследства и благосостояние вдовы, являлась практика полигамии, приводившая к разделу имущества покойного супруга на несколько частей в зависимости от числа жен²⁷.

Мужчины в редких случаях также подвергались депривации в вопросах наследования, что также зависело от этнокультурных особенностей субсахарских народов. Например, в Малави у чева и ньянджа женщина имела право наследовать имущество покойного супруга в размере, определяемом

²³ A/44/38 paras. 44–62. P. 14.

²⁴ CEDAW/C/GAB/2-5. P. 32.

²⁵ CEDAW/C/GHA/3-5. P. 74.

²⁶ CEDAW. Second and third periodic reports of States parties. Burkina Faso. 25 February 1998. Rep. UN CEDAW/C/BFA/2-3. P. 51.

²⁷ CEDAW/C/GIN/1. P. 11–12.

характером брака – патрилокальным или матрилокальным, в то время как мужчина ни в одном из случаев не мог стать наследником²⁸.

Объектом, который в меньшей степени был доступен к наследованию женщинами, являлось земельное владение, поскольку правом собственности на него они в большинстве этнических групп обладать не могли. Составители доклада Буркина-Фасо в 1998 г. отмечают: «Земельная система в значительной мере имеет общинный характер, статус женщины не даёт ей права на владение землей. Даже участок, который она обрабатывает индивидуально, ей не принадлежит»²⁹. Женщине принадлежало лишь право пользования в отношении земельной собственности, однако правом распоряжения и владения она обладать часто не могла, даже если трудилась на ней в течение многих лет³⁰. Данное обстоятельство ярко иллюстрирует одну из традиционных гендерных ролей субсахарской женщины в домохозяйстве – работницы в сельском хозяйстве, которая выращивает продовольственные культуры исключительно для обеспечения семьи, но не для собственных нужд и возможностей извлечения прибыли для себя.

Правом собственности на землю в ряде этнических групп обладали лишь те женщины, которые в силу различных причин стали главами домохозяйств: «В Гамбии лишь немногие женщины имеют право собственности на землю. В сельских районах по традиции и культурным обычаям женщинам не разрешается владеть землей, и они имеют только право на узупфрукт на землю. Земля обычно находится в руках главы домашнего хозяйства, которым неизменно является мужчина»³¹. Таким образом, единственной возможностью для женщины полностью использовать свои права на земельную собственность являлось занятие позиции главы домохозяйства, что в условиях стереотипных представлений и противодействия со стороны общинных лидеров было нечастым и затруднительным явлением. Здесь также необходимо выделить и то обстоятельство, что домохозяйства женщин сталкивались с большим количеством финансовых сложностей, что приводило к снижению доходности. Как отмечают В.В. Грибанова и Н.В. Гришина, в ЮАР на 2000 г. «каждая пятая городская семья, принадлежавшая к числу беднейших, возглавлялась женщиной»³².

Вместе с депривацией в экономической сфере общественного жизнеустройства женщины подвергались ей и в контексте политической составляющей на основе своей гендерной идентичности. В первую очередь на дискриминацию в политике оказывали влияние традиционные этнокультурные представления. В сфере политического участия это прежде всего проявля-

²⁸ CEDAW. Combined second, third, fourth and fifth periodic report of States parties. Malawi. 28 June 2004. Rep. UN CEDAW/C/MWI/2-5. P. 106–107.

²⁹ CEDAW/C/BFA/2-3. P. 44.

³⁰ CEDAW/C/GAB/2-5. P. 26.

³¹ CEDAW/C/GMB/1-3. P. 44.

³² Грибанова В.В., Гришина Н.В. Указ. соч. С. 99.

лось в возможностях женщин обладать и пользоваться активным избирательным правом, входить в состав национальных и региональных органов власти, становиться традиционными лидерами в общине.

На протяжении постколониального этапа развития субсахарских обществ национальные правительства предпринимали заметные шаги по повышению представленности женщин на уровне принятия решений. В частности, следуя рекомендациям Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Пекинской декларации, были предложены законопроекты, обязывающие соблюдать 30-процентную квоту женщин-депутатов парламентских органов власти. Л.Я. Прокопенко уточняет, что в странах Юга Африки эти решения были дополнены декларацией Сообщества развития стран Юга 1997 г., согласно которой предполагалось достигнуть до 2005 г. 30 % представленности женщин³³. Однако, как замечает в своём исследовании южноафриканский политолог А.О. Энаифогге, как на местном, так и государственном уровнях участие женщин в политической жизни оставалось довольно ограниченным³⁴. Он считает, что африканские женщины сталкивались с многочисленными препятствиями при участии в политике. Структурные барьеры в виде дискриминационных законов и институтов по-прежнему ограничивали возможности женщин баллотироваться на политические посты³⁵.

Несмотря на то, что действительно в субсахарских обществах долгое время сохранялись правовые нормы, препятствовавшие женщинам участвовать в политической деятельности, этот фактор не представляется важнейшим. Более существенным можно назвать влияние социокультурных представлений, составляющих основу фундаментальных ценностных ориентаций этнических общин, а также в целом сложившуюся в обществе депривацию женщин в различных сферах.

Стереотипы феминности и восприятие женщин в ключе традиционного разделения гендерных ролей даже в постколониальный период продолжали исключать женщин из возможных претендентов на позицию лидера на любом из уровней принятия решений. Поскольку для большинства этнических общин характерен мачизм, а женщине отводится подчиненные воле мужчин роли жены и матери, это не создавало оснований, чтобы она не только могла выступить в качестве политика, но и даже чтобы представлять интересы семьи на общинном уровне. У разных народов можно увидеть схожие обоснования, согласно которым женщинам не стоит пытаться принять участие в политической деятельности: «женщины не способны от природы

³³ Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве... С. 153.

³⁴ Enaifoghe A.E. Op. cit. P. 258.

³⁵ Ibid. P. 258–260.

к политической деятельности»³⁶, «принимать решения – это не дело женщин»³⁷, «женщине власть не дана»³⁸ и т. д. При этом совершенно не учитывались ни интерес к политике, который могла проявлять женщина, ни её способности, которые, возможно, превосходили таковые у мужчин, принимающих решения как на уровне общины, так и на уровне органов государственной власти. В «We all should be feminists» нигерийская писательница рассказывает: «Я не могла участвовать в собраниях, потому что в культуре игбо привилегированы только мужчины и только мужчины–члены большой семьи могут присутствовать на собрании, где принимаются важные семейные решения. Так что несмотря на то, что я больше всего интересуюсь этими вопросами, я не могу присутствовать на семейном совете. Я не могу официально говорить. Потому что я женщина»³⁹. Воспоминания Ч.Н. Адичи демонстрируют существенный элемент гендерных отношений среди игбо, характерный также и для других этнических групп Нигерии и субсахарского региона в целом. Стереотипы феминности и традиционные гендерные роли не позволяли многим талантливым женщинам проявить себя и добиться успеха в политической деятельности исключительно по причине их половой принадлежности.

Проблема, связанная со стереотипным образом женщин в культурах субсахарских народов, выставлявшим их недостаточно умелыми и квалифицированными для занятия политической деятельностью, усугублялась тем, что и сами женщины нередко разделяли подобное убеждение. В докладах стран постколониальной Тропической Африки в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин отмечается «отсутствие солидарности у женщин»⁴⁰. Сами женщины, согласно данным докладов, были склонны в большей степени поддерживать мужчин, баллотирующихся на выборные должности, что, несомненно, отражает степень влияния традиционных представлений на возможности женской самореализации.

Второй важнейшей причиной, которая приводила к недостаточной представленности женщин в политической сфере, являлась их депривация в других аспектах общественной жизни. Поскольку девочки и девушки дискриминировались в процессе получения ими образования, уровень их подготовки часто не позволял впоследствии рассчитывать на прибыльную экономическую деятельность. В свою очередь, отсутствие собственных средств лишало женщин возможности принимать участие в политических кампаниях, требующих существенных расходов. Кроме того, поскольку женщина

³⁶ CEDAW. Combined second and third periodic reports of States parties. Cameroon. 29 March 2007. Rep. UN CEDAW/C/CMR/3. P. 21.

³⁷ CEDAW. Fifth periodic report of States parties. Madagascar. 29 January 2008. Rep. UN CEDAW/C/MDG/5. P. 63.

³⁸ CEDAW. Fifth periodic report of States parties. Madagascar. 29 January 2008. Rep. UN CEDAW/C/MDG/5. P. 63.

³⁹ Адичи Ч.Н. Указ. соч. С. 75–76.

⁴⁰ CEDAW. Combined fourth and fifth periodic reports of States parties. Democratic Republic of the Congo. 30 November 2004. Rep. UN CEDAW/C/COD/4-5. P. 31–32.

занимала подчиненное положение в семье, ей часто было необходимо получение разрешения со стороны мужа или общины на участие в политической жизни страны. Поскольку именно общинные лидеры являлись наиболее консервативной частью общества и поддерживали традиционные установки, такие разрешения не становились частой практикой.

Незаметной была и деятельность женщин в составе партийных организаций. Как отмечается в докладе Центрально-Африканской Республики, «в политических партиях женщины обычно используются на второстепенных ролях: они проводят культурно-развлекательные мероприятия среди населения, выполняют хозяйственные работы, но редко занимают руководящие должности»⁴¹. Такое разграничение функций особенно сильно снижало шансы женщин на избрание в органы государственной власти в тех политических системах, где предполагалось выдвижение кандидатов от партий (например, в Буркина-Фасо⁴²). Учитывая, что многие национальные правительства лишь заявили о введении квотирования, женщины, которые не могли занять лидирующие позиции в партии или заработать в ней авторитет, не имели возможности построения политической карьеры. В тех же случаях, когда допустимо участие беспартийных кандидатов, женщины были склонны к выходу из состава партий. Как указывает Л.Я. Прокопенко, «причиной этого становятся поражения в партийных праймериз, исключение или угроза исключения из партий»⁴³.

Более доступным направлением политической деятельности для женщин субсахарского региона в изучаемый период являлась дипломатическая служба. Женщины были представлены в посольских миссиях и различных международных комиссиях, однако и в этой области выявляются некоторые элементы депривации.

В первую очередь, существенным препятствием для построения карьеры в области внешней политики выступали социальные нормы, закреплявшие традиционные роли, связанные с самореализацией женщин внутри брачно-семейных отношений. Поскольку они были вынуждены выполнять значительное количество работ в домашнем хозяйстве и находиться рядом со своим мужем, им часто не дозволялась уезжать для исполнения своих профессиональных обязанностей. «Замужним женщинам трудно соглашаться на занятие поста за рубежом по семейным соображениям. В Гамбии считается более привычным и нормальным, когда мужчина отправляется за границу для занятия дипломатического поста и берет с собой жену и семью, а не наоборот»⁴⁴. Этот тезис, зафиксированный в официальном докладе Гамбии, отражает ту степень влияния, которую имели традиционные взгляды на политическую деятельность женщин. На Сейшельских островах было рас-

⁴¹ CEDAW. Combined initial and second to fifth periodic reports. Central African Republic. 21 February 2013. Rep. UN CEDAW/C/CAF/1-5. P. 51.

⁴² CEDAW/C/BFA/4-5. P. 30.

⁴³ Прокопенко Л.Я. Динамика и проблема эффективности... С. 324.

⁴⁴ CEDAW/C/GMB/1-3. P. 23.

пространено представление, согласно которому женщина, успешная в дипломатической карьере, несчастна в браке либо является одинокой⁴⁵. В Зимбабве и Центрально-Африканской Республике для занятия должности посла в зарубежной миссии требовалось письменное согласие со стороны супруга⁴⁶. Это также отягощается той депривацией, которой подвергались мужья успешных женщин-политиков. В частности, в Нигерии мужчина-дипломат имел право взять свою жену в заграничную поездку и получал для неё дипломатический паспорт, в то время как женщина такой привилегией не обладала, и её муж должен был оставаться на территории государства⁴⁷. Аналогичная ситуация фиксируется в докладе Габона: «Проблема представленности женщин на международном уровне и международных организациях обусловлена отсутствием возможности для супругов следовать друг за другом. Когда мужчина получает должность в международной организации, его супруга автоматически следует за ним, и если она является государственным служащим, для неё находят должность на месте назначения супруга или зачисляют на службу её супруга. Однако обратная ситуация невозможна. Если женщина желает сохранить свою должность, то она либо едет одна, размещаясь в общежитии (если муж согласен), либо она должна развестись, если муж против»⁴⁸. До 1998 г. в ЮАР женщине разрешалось становиться дипломатом только при том условии, что она будет оставаться на протяжении своей службы незамужней. Кроме того, на эту работу могли быть назначены только «белые» женщины⁴⁹. Последнее демонстрирует и интерсекциональность проблемы, поскольку в данном отношении на гендерную депривацию накладывается еще и практика расовой сегрегации.

В тех случаях, когда женщины получали возможность принять участие в работе международных организаций, направленность их деятельности могла быть ограничена в силу гендерных стереотипов определёнными областями. Например, в Сьерра-Леоне долгое время женщины были представлены лишь в тех международных комиссиях, которые занимались вопросами гендерного равенства, сестринского дела, образования, искусства⁵⁰, т. е. теми видами деятельности, которые закреплялись за женщинами в экономической подсистеме общества.

Политическая депривация женщин в обществах субсахарского региона в период 1980–2000-х гг. показывала очевидную тенденцию к снижению, что демонстрируется повышением количества женщин, занимавших

⁴⁵ CEDAW. Combined initial, second, third and fourth and fifth periodic reports of States parties. Seychelles. 22 March 2012. Rep. UN CEDAW/C/SYC/1-5. P. 79.

⁴⁶ CEDAW. Initial report of State parties. Zimbabwe. 20 July 1996. Rep. UN CEDAW/C/ZWE/1. P. 35; CEDAW/C/CAF/1-5. P. 54.

⁴⁷ CEDAW/C/NGA/4-5. P. 47.

⁴⁸ CEDAW. Sixth periodic report of States parties due in 2010. Gabon. 16 December 2013. Rep. UN CEDAW/C/GAB/6. P. 22.

⁴⁹ CEDAW/C/ZAF/1. P. 64–65.

⁵⁰ CEDAW. Combined initial, second, third, fourth and fifth periodic reports of States parties. Sierra Leone. 14 December 2006. Rep. UN CEDAW/C/SLE/5. P. 61.

выборные должности в различных органах государственной власти, в частности, в парламенте. Существенный скачок в представленности женщин в законодательном органе власти совершили Руанда (с 17,14 % женщин от общего количества депутатов в 1997 г. до 61,25 % в 2020 г.), Эфиопия (с 2,04 % до 38,75 % в 2020 г.), Камерун (с 5,5 % до 33,88 %). В то же время можно отметить и такие общества, где очевидна стагнация или даже снижение числа женщин в парламенте – Бенин (7,22 % в 1997 г. и 2020 г.), Нигерия (3,41 % и 3,63 % соответственно), Ботсвана (8,51 % в 1997 г., 17 % в 2001–2003 гг., 10,76 % в 2019–2020 гг.), ДРК (12 % в 2004 г. и 12,8 % в 2020 г.). Интересно, что у этих же обществ отмечается и достаточно высокий уровень физического и психологического насилия над женщинами и мужчинами, что позволяет сделать вывод о неэффективности политики по достижению гендерного равенства.

Проблема экономической и политической депривации крайне важна для понимания механизмов осуществления гендерного насилия в обществах постколониальной Тропической Африки. В первую очередь, дискриминация в отношении женщин в зависимости от их гендерной принадлежности обуславливалась сохранением на постколониальном этапе развития субсахарских обществ фундаментальных ценностных ориентаций, включающих в себя стереотипы феминности, типичные гендерные роли и функции. Они определяли жёсткие рамки для возможностей личностной и профессиональной самореализации женщин, а также ограничивали доступ к различным социальным благам. В особенности устойчивость подобных ориентаций была характерна для сельской местности. Даже в период 2000-х гг. многие деревенские общины, в которых проживала большая часть населения африканских народов, продолжали транслировать традиционные гендерные стереотипы, ограничивавшие возможности женщин в самореализации в экономической и политической сферах.

Таким образом, экономическая и политическая депривация женщин в обществах Тропической Африки в период 1980–2000-х гг. затрагивали широкий комплекс способов самореализации женщин. В силу традиционных установок, включающих стереотипы феминности и маскулинности, женщины были в значительной степени отчуждены от возможностей улучшения или сохранения материального благосостояния, а также часто не имели юридической возможности владеть имуществом. Это, в свою очередь, оказывало влияние и на доступность участия в политической жизни общества, которая также усугублялась сложившимся в этнокультурной среде образом женщины как матери или жены, разделяемым как мужчинами, так и женщинами. Несмотря на комплекс позитивных мер, доля официально трудоустроенных женщин, женщин-предпринимателей и владельцев собственности, а также число женщин в политической системе на протяжении 1980–2000-х гг. продолжали оставаться достаточно низкими.

Список литературы:

1. Грибанова В.В., Гришина Н.В. Специфика гендерных ролей в среде городского чернокожего населения ЮАР. История и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 2. С. 93–103.
2. Гришина Н.В. Гендерное неравенство в странах Африки южнее Сахары // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 54–56.
3. Прокопенко Л.Я. Гендерное равенство в политическом пространстве стран Юга Африки: успехи и проблемы становления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 148–165.
4. Прокопенко Л.Я. Динамика и проблема эффективности представительства женщин в парламенте (ЮАР и другие страны Юга Африки) // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года. М., 2019. С. 324–325.
5. Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

Об авторе:

ПЕТРОВ Константин Алексеевич – старший преподаватель, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 215), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

The Problem of Economic and Political Deprivation of Women in Post-Colonial Tropical Africa societies in the 1980–2000s

К.А. Petrov

Tver State University. Tver, Russia

The article is an analysis of the manifestations of women's deprivation in the economic and political life of societies in post-colonial Tropical Africa in the 1980–2000s. Based on a study of periodic reports of African countries to the UN Committee on the Elimination of Gender Discrimination, essays and personal sources, the author identifies areas of deprivation and the reasons for women's alienation from various methods of labor and entrepreneurial activity, opportunities for owning and inheriting property, and low levels of representation in political decision-making institutions. The author concludes that the stereotypes of femininity and masculinity that developed in previous periods preserved the traditional roles of mother and wife for women during the period under study, despite the efforts of national governments to improve the status of women.

Key words: *gender deprivation, position of women, post-colonialism, Tropical Africa*

About the author:

PETROV Konstantin Alexeevich – senior lecturer, the Department of General History, the Tver State University (170100, Russia, Trehsvyatskaya str., 16/31), e-mail: konstantin.al.petrov@gmail.com

References:

- Gribanova V.V., Grishina N.V., Spetsifika gendernykh rolei v srede gorodskogo chernokozhego naseleniya YuAR. Istoriya i sovremennost', Vostok. Afroaziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost', 2021, № 2, S. 93–103.
- Grishina N.V., Gendernoe neravenstvo v stranakh Afriki yuzhnee Sakhary, Aziya i Afrika segodnya, 2015, № 3, S. 54–56.
- Prokopenko L.Ya., Gendernoe ravenstvo v politicheskom prostranstve stran Yuga Afriki: uspekhi i problemy stanovleniya, Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya, 2022, T. 24, № 1, S. 148–165.
- Prokopenko L.Ya., Dinamika i problema effektivnosti predstavitel'stva zhenshchin v parlamente (YuAR i drugie strany Yuga Afriki), Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy vse-rossiiskoi nauchnoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 06–07 dekabrya 2019 goda, M., 2019, S. 324–325.
- Enaifoghe A. E. Exploring Africa political structure and the effort to improve women's struggle for representation in politics // Journal of Gender, Information and Development in Africa. 2019. Vol. 8. № 1. P. 257–277.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 24.09.2024 г.